

Фольклористика

УДК 398.1(045)

О.Д. Постовалова

РОЛЬ ТОПОНИМИЧЕСКОГО МОТИВА В ФОРМИРОВАНИИ ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДАНИЙ

В статье рассматривается вопрос о выделении топонимических преданий в отдельный жанр. В современной науке вопрос систематизации жанров фольклора является спорным. Важнейшим критерием выделения жанров в фольклоре является функциональная установка. Топонимические предания относятся к необрядовой прозе, которая делится на два раздела: сказочную и несказочную прозу. Одним из видов несказочной прозы являются предания. Основная их функция состоит в освещении и оценке местных событий. Этим они отличаются от былин и исторических песен, которые отвечают за осмысление исторических событий государственного значения. Общая цель преданий делится на более конкретные: освещение и оценка исторических лиц и событий, истории локуса, семьи (рода). В соответствии с целевой установкой выделяется три жанра: исторические, топонимические и семейные предания. Исходя из функции, топонимические предания имеют свои особенности структурной организации произведений. Сюжетообразующую роль в структуре топонимических преданий играет топонимический мотив: он является отправной точкой в развитии сюжета, им нередко открывается произведение либо им может завершаться предание.

Ключевые слова: топонимические предания, исторические предания, топонимический мотив, несказочная проза, функциональная установка, классификация жанров фольклора.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-410-415

Одним из дискуссионных вопросов в современной фольклористике является выделение топонимических преданий как самостоятельного жанра. Некоторые исследователи (В.П. Аникин, А.И. Лазарев, В.К. Соколова, Л.Е. Элиасов [1; 9; 16; 17]) выделяют топонимические предания. Причем В.П. Аникин и А.И. Лазарев топонимические предания наряду с историческими считают отдельной тематической (внутрижанровой) группой преданий. Основой для такого выделения является ярко выраженная функция: «Если функция рассказа состоит в объяснении названия, то предание относится к географической группе» (более узкое название: топонимические предания) [1, с. 272]. В.К. Соколова рассматривает топонимические предания как особый крупный раздел исторических преданий: «...К историческим преданиям заставляет их отнести не только то, что многие из них исторически закреплены. Топонимические предания в отличие от рассказов о кладах историчны по существу» [15, с. 273]. Под словами «историчны по существу» В.К. Соколова понимает историю места: «Топонимические предания <...> всегда говорят об истории села, о первых поселенцах, о случившемся в данном месте» [15, с. 273].

Н.А. Криничная отрицает необходимость выделения топонимических преданий в отдельную внутрижанровую группу: «Топонимическим может быть названо не столько само произведение, сколько содержащийся в нем мотив» [8, с. 14]. По ее мнению, топонимический мотив имеет широкий спектр применения: он может присутствовать не только в преданиях, но и в других жанрах. Одной из характерных его черт является широкая распространенность и подвижность: «К числу мигрирующих мотивов предания относится в первую очередь топонимический, который может присутствовать буквально во всех циклах, занимая в них преимущественно периферийное положение» [8, с. 21].

В ходе дискуссии по поводу топонимических преданий выдвинуты следующие вопросы: оправдано ли выделение топонимических преданий в отдельный жанр или же нет? Являются ли топонимические предания самостоятельным жанром или же это раздел исторических преданий?

В современной науке вопрос систематизации жанров фольклора остается столь же спорным и неоднозначным, как и в предыдущее время. Существуют различные подходы к классификации произведений устного народного поэтического творчества. На наш взгляд, более перспективным является подход, предложенный Б.Н. Путиловым. Согласно его точке зрения, топонимические предания относятся к области внеобрядовой прозы. Основным признаком жанров внеобрядовой прозы является «установка на рассказывание и невключенность в обрядовую жизнь. Рассказывание вне обряда – это специфический,

организованный целой системой правил, этикета, запретов культурный феномен» [11, с. 172]. Область внеобрядовой прозы делится на два обширных раздела: сказочную и несказочную прозу. Одним из видов несказочной прозы являются предания. Они отвечают за «объяснение прошлой истории, какой-нибудь особенности быта, названия местностей» [1, с. 271]. Н.А. Криничная уточняет назначение преданий – «первоначально предания призваны были сохранить историю конкретного рода, затем соседской общины, впоследствии – историю определенного селения местности» [12, с. 10]. Исходя из целевой установки, определяется угол зрения на действительность – для преданий важна не история в целом, а история определенного региона, области, района, селения: «Это устная хроника одного селения или группы селений, объединенных общностью социально-экономических и культурно-исторических условий развития» [12 с. 14]. Таким образом, предания отвечают за освещение и оценку местных событий. Этим они отличаются от былин и исторических песен, в которых осмысляются исторические события государственного значения.

Предания как вид – «это исторически сложившая группа жанров, обладающая рядом общих признаков содержания и формы» [5, с. 32]. В преданиях может идти речь о деятельности исторических лиц, о конкретных исторических событиях, происходивших в том или ином регионе, а также об истории локусов, которая нередко не связана с историческими событиями или личностями. Кроме того, предания освещают историю отдельной семьи, рода. В.П. Аникин выделяет еще одну целевую установку преданий – «объяснение какой-нибудь особенности быта» определенной местности [1, с. 271].

Общая цель преданий – осмысление местной истории – дробится на более частные, конкретные – осмысление и оценка исторических лиц и событий, истории локуса, семьи (рода). В соответствии с целевой установкой выделяется три жанра: исторические, топонимические и семейные предания. Они акцентируют внимание на разных аспектах действительности, при этом целостно воспроизводя народную историческую картину мира. Исходя из функции, каждая группа преданий имеет свои особенности структурной организации произведений. Для примера сравним исторические и топонимические предания.

Топонимические предания связаны с определенными, действительно существующими локусами. Они не только характеризуют ландшафт, но и играют важную роль в пространственно-временной организации фольклорной картины мира, подчеркивая уникальность конкретного места. Рассмотрим предание о названии деревни Ковриги: *«Название Коврига пошло по возвышенности, расположенной за деревней. Даже когда едешь поездом, видно ее издалека. Ну ни дать, ни взять Коврижка»*.

За набожность и веру хранил Ковригу Бог. Когда-то проходил в этих местах Пугачев со своим войском, сжигал на своем пути деревни и села. И совсем уж было вознамерились они взять Ковригу, да случилось тут солнечное затмение. Потому и осталась Коврига цела.

Проходил по этим местам и Ермак. Ту дорожку до сих пор Ермаковской зовут. Этой стороной ездила на знаменитую Крестовскую ярмарку императрица Екатерина. И тоже в Ковриге память о себе оставила, – мостик Екатерининский» [4, с. 3].

Отправной точкой для развития сюжета в предании является топонимический мотив, объясняющий название деревни Ковриги. Заметим, что село Коврига – старообрядческое. Отсюда наличие мотива «храняемая за набожность и веру». Старообрядцам необходимо противопоставить свою веру как истинную и праведную официальной, бесовской, идущей от Антихриста. Подтверждением праведности веры является чудесное спасение Богом Ковриги от нашествия Пугачева. Все села и деревни Пугачев сжигает на своем пути, а Ковригу спасает солнечное затмение.

Нередко топонимический мотив не получает дальнейшего развития, он присутствует в предании в «свернутом» виде. Такие предания существуют в форме коротких сообщений. Однако и в этом случае в основе топонимического мотива, как и любого фольклорного мотива, «должно быть что-то такое, что вызывает особенный интерес и тем самым остается в памяти, что-то не совсем обычное» [13, с. 26]. Рассмотрим, к примеру, второй вариант предания о названии той же деревни Ковриги: *«Название Коврига появилось потому, что за деревней “выросла гора” в форме ковриги, около “релк”». Деревня раньше была богатая, а сейчас не до че дожили, все нарушилось, для молодежи нет работы»* [3; лекция «Коврига-2000», с.11].

Название деревня получила по форме горы, похожей на ковригу хлеба. В предании не оговариваются необычные качества локуса, поэтому и нет развития сюжета. Если бы необходимо было дать не только объяснение названия, но и характеристику места, то повествование получило бы развитие. Но, несмотря на «свернутый» сюжет произведения, основная функция выполнена – дано объяснение, или точнее, осмысление названия села.

Таким образом, топонимические мотивы могут быть представлены в структуре предания в чистом виде, без связи с другими мотивами. Появление мотивов, расширяющих и дополняющих топонимический мотив, объясняется стремлением не только осмыслить название места, но и охарактеризовать его. Так, в вышеприведенных преданиях, связанных с пугачевским бунтом, топонимический мотив содержит указания на необычные качества локуса, требующие дальнейшего пояснения. Для подтверждения информации топонимического мотива привлекаются исторические сведения. Следовательно, отправной точкой для развития сюжета является топонимический мотив, который может либо открывать произведение, либо завершать его. «В топонимических легендах и преданиях <...>, по мнению В.В. Сокила, соответственно оформлен текст, который в значительной мере играет стабилизирующую роль. Одной из закономерностей его состава является использование словесных формул, главным образом инициальных и финальных, выполняющих важную коммуникативную функцию» [14, с. 10]. Финальная формула – это топонимический мотив, завершающий произведение. В. В. Сокил называет его развязкой. Начинаются произведения с финальной формулой указанием на хронологические рамки действия (хронологический тип инициальной формулы): «В старые годы было, когда русских еще не было, жили-были одни ордынцы, табунами кочевали» [3; коллекция «Першино-2000», с.40], на место действия (топографический тип): «Близ села Таловское находится озеро Малашино» [10, с.48], либо могут называться действующие герои (инициальная формула существования героя): «В Служней слободе жил дьяк Арефа. У него была дочь Охоня» [3; коллекция «Катайск-2005»), с.68]. Подобным образом строится предание о названии Софьиного холма, бытующее в деревне Петровке Юргамышского района: «Рядом с Марьиным болотом находится Софьин холм (инициальная формула). О его происхождении рассказал Денисов Платон Петрович, 1881 года рождения. В.А. Качка, владелец Петровского, велел запрячь в тарантас тройку лошадей, пригласил жену сесть с собой. Он сказал ей, что они едут смотреть сенокосные угодья. Помещица села. Поехали. Вскоре показалось Марьино болото и рядом с ним высокий холм. Качка приказал кучеру подняться на его вершину. Хотя на него было трудно подняться, но все-таки заехали. Он объяснил жене, что хочет с этого холма полюбоваться красотой своих лесов и полей. Помещик вылез из тарантаса, будто бы нарвать букет цветов своей жене. Кучер в это время ударил несколько раз кнутом по лошадям и, когда они сорвались с места, спрыгнул с козел. Тарантас опрокинулся. Искалеченная помещица выпала из него, потеряла сознание. Лошади забежали в Марьино болото и остановились. Помещица очнулась, но на всю жизнь осталась горбатой. Так, по договоренности с кучером, Владислав Качка решил убить свою жену Софью Михайловну, а ее смерть списать на ретивых лошадей. С тех пор этот высокий холм жители села Петровского называют Софьиным» (финальная формула) [10, с.41].

Предание о названии села Мамонтова, напротив, открывается топонимическим мотивом:

«Село называется так, потому что здесь первый сел какой-то Мамонтов, он и первый в землю лег, вон там на горке. А уж к нему и стали подселяться. Подселялись к нему и к дому, и к могиле. Фамилии здесь больше Мамонтовы, Молодкины, Охотины» [3, коллекция «Мостовка-89», с. 43].

Итак, топонимический мотив может располагаться как в начале, так и в конце произведения, но в том и другом случае он организует сюжет предания, от него зависит выбор других образов и мотивов. Ведущее положение топонимического мотива в структуре преданий, а также существование текстов, содержащих топонимический мотив в «свернутом» виде, позволяет выделить топонимические предания в отдельную жанровую группу, имеющую собственную функцию. В.К. Соколова считает, что «назначение топонимических преданий – объяснить, почему произошло то или иное название местности, поселения» [16, с. 202]. На наш взгляд, функция топонимических преданий заключается не столько в объяснении названия, сколько в осмыслении человеком окружающего пространства и себя в нем.

В отличие от топонимических преданий, исторические имеют другую целевую установку. В исторических преданиях о пугачевском бунте важен показ и народная оценка событий. Оценка событий и исторического лица здесь выходят на первый план, тогда как в топонимических преданиях они имеют подчиненное значение. В зависимости от этого изменяется и структура предания: «Когда Пугач-от ходил, в нашу деревню тоже заходил. Тогда деревню-то жгли, народ хватали. Говорили, что стариков не трогали, хватали только молодых.

Я слышала от своей баушки, а она опять от своей баушки слышала. В нашей деревне одна старуха насобираала ребятишек, насадила их в короб, закрыла пологом и повезла из деревни в лес. Тогда народ, кто в лес, кто просто в поле спасался. Повезла, значит, только выехала за деревню-то, навстречу ей едут верховые, а тогда пики были, – пики-то белыхаются. Съехались с ней и спрашивают:

– Кому, бабушка, верушь, Катюхе али Петрухе?

Старуха не знает, что говорить-то, забормотала:

– Катюхе, Петрухе, Катюхе, Петрухе..., – сама понужат лошадь-то. Те слушали, слушали, да и говорят:

– Видно, с ума сошла! Чо с нее возьмешь.

И отпустили, не пошевтели. Так она уехала и спаслась. А вот в Ячменево один старик был. Как эти, кои с Пугачевым-то поехали по деревням, он говорит:

– Молодых только хватают, а меня старика не пошевелят, – и из деревни-то никуда не поехал.

Увидал, что пики забелыхались, едут, стало быть, – старик-от никуда не стал прятаться. А они его схватили, в сноп аржаной соломы завертели, куда-то подвесили и зажгли. Так и сгорел старик-от» [7, с. 73-74].

Предание начинается с указания на темпоральные границы: «Когда-от Пугач ходил». После указания на время событий, дается первоначальная их оценка: «тогда деревни-то жгли, народ хватали». Оценка негативная. В народном понимании пугачевское восстание – это разбой, насилие, беспорядок. «Куда ни посмотри, куда ни кинь взгляд, везде с поразительным согласием было одно и то же; везде кишма-кишела картина разрушения тишины и спокойствия: везде творились крестьянский суд и крестьянская расправа» – так описывает А.Н. Зырянов события пугачевского бунта в Шадринском уезде [6, с. 176]. Опираясь на слова очевидцев, он приводит множество примеров беспощадности и жестокости восставших.

Слухи о жестокости восставших явились причиной неприятия крестьянами пугачевского восстания и в деревне Ячменево. Описание жесткой расправы над доверчивым стариком, которого сжигают бунтовщики окончательно доказывает неприятие народом пугачевского восстания. Усиливает жестокость поступка то, что убивают не здорового, сильного, равного им мужчину, а слабого, беззащитного человека. Безнравственность и неприятие насилия – это основная идея предания, отсюда и отрицательное народное отношение к личности Пугачева и его сподвижникам.

Локусы в предании необходимы для конкретизации событий. Пугачевское восстание в Зауралье охватило практически половину Шадринского уезда: «Из тридцати волостей Шадринского уезда семь находились в 1843 году в самом вихре волнения, а шесть, отбунтовав за 11 месяцев перед этим в 1842, находились теперь в стороне простыми зрителями событий» [6, с.116]. На конкретные населенные пункты, в данном случае деревню Ячменево, рассказчик ссылается как на подтверждение рассказа о бесчинствах пугачевцев.

В ряде текстов очень сложно понять, какая из функций является ведущей, какая информация важна для рассказчика – историческая или топонимическая. В данном случае топонимический мотив имеет подчиненное значение или выступает на равных основаниях с исторической информацией. Так о предании о полковнике Подурове: «Полковник Подуров был из этих мест. Долго ходил в походах. Пришло время, возвратился. Приезжает домой, жена встречает, не узнала: много лет прошло. Слух прошел, что он погиб. Жена считала себя вдовой. Пришел, значит, домой и спрашивает, мол, сколько деток у тебя? Она обсказала, что три сына, но все на службе. Тут он признался, что с полком пришел, живой, невредимый. Показал ей рукодельце. По рукодельцу она его и признала. Об этом песню сложили и деревню назвали» [3; коллекция «Усть-Уйское-83», с.34].

Таким образом, сравнение топонимических и исторических преданий, повествующих об одном и том же времени – времени пугачевского восстания, иллюстрирует различные функциональные установки. Топонимические предания осмысляют название места и характеризуют его, исторические предания осмысляют исторические события и действия исторических лиц и дают им оценку. Разные функции исторических и топонимических преданий влияют и на структурные особенности произведений. В топонимических преданиях сюжетобразующую роль играет топонимический мотив: он является отправной точкой в развитии сюжета, им нередко открывается произведение либо им может завершаться предание. Но в том и другом случае топонимический мотив выстраивает структуру предания, обуславливает отбор других мотивов произведения. Исторические лица и события необходимы для подтверждения информации, содержащейся в топонимическом мотиве.

В исторических преданиях, в отличие от топонимических, на первый план выходит показ и народная оценка исторических событий и лиц. Поэтому в исторических преданиях важно указание на временной отрезок, о котором в дальнейшем и будет идти речь в произведении. Указанием на временной отрезок и начинаются исторические предания, а всем ходом повествования передается народное восприятие и оценка событий и лиц, живших и действовавших в тот или иной временной отрезок. Точное указание мест в исторических преданиях является средством конкретизации происходивших когда-то событий.

Рассмотрение зауральских топонимических преданий позволяет сделать следующие выводы.

Топонимические предания – отдельный жанр, наряду с историческими и семейными. Основная функциональная установка топонимических преданий – осмысление человеком окружающего пространства и себя в нем. Другой функцией топонимических преданий является объяснение необычных качеств локуса, доказательство статуса места. От наличия этой дополнительной функции зависит сюжет предания. Топонимические предания, не только осмысляющие, но и доказывающие статус места, имеют развернутый сюжет. Нередко в таких преданиях присутствуют мотивы других жанров несказочной прозы – былички и легенды, необходимые для передачи народной оценки и эмоционального эффекта. Топонимические предания, выполняющие функцию осмысления названия, нередко состоят из одного топонимического мотива и существуют в форме кратких сообщений. В структуре топонимических преданий ведущим является топонимический мотив, которым может открываться либо завершаться произведение. Топонимические мотивы выстраивают структуру предания: задают другие мотивы и сюжет в целом.

Пространство – основной образ топонимических преданий, так как последние прочно связываются с конкретными локусами. Они являются отправной точкой для рассказа о прошлых событиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В.П. Русское народное творчество. М.: Высшая школа, 2001. 728 с.
2. Аникин В.П. Теория фольклора: курс лекций.. М.: КДУ, 2004. 432 с.
3. Архив КГУ.
4. Борисова Л.В. Двоедане после бани... умываются // Шадринский курьер. 1998. 31 марта. С. 3.
5. Зуева Т.В. Русский фольклор: Словарь-справочник. М.: Просвещение, 2002. 334 с.
6. Зырянов А.Н. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году. Очерк по документам и свидетельствам очевидцев // Шадринская старина: краеведческая хрестоматия (II п. XVII - пер. пол. XVIII вв.). Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1996. С. 116-192.
7. Коллекция В.П. Бирюкова, фонд Р – 2266, № описи – 1, № дела – 126.
8. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 325 с.
9. Лазарев А.И. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1970. 202 с.
10. Малоземова Г.М. Современное бытование несказочной прозы в Юргамышском районе: дипломная работа. Курган, 2003. 75 с.
11. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In *memoriam*. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2003. 457 с.
12. Северные предания: Беломор-Обонеж. регион. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1978. 254 с.
13. Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999. 104 с.
14. Сокил В.В. Топонимические легенды и предания украинцев Карпат: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1990. 20 с.
15. Соколова В.К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.
16. Соколова В.К. Типы восточнославянских топонимических преданий. // *Славянский фольклор: сборник статей*. М., 1972. С. 202–233.
17. Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. II. Народные предания. Улан-Удэ, 1960. 480 с.

Поступила в редакцию 12.04.2022

Постовалова Ольга Дмитриевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»
640020, Россия, г. Курган, ул. Советская, 63, стр. 4
E-mail: ogribanova@yandex.ru

O.D. Postovalova

THE ROLE OF TOPONYMIC MOTIF IN FORMING THE GENRE STRUCTURE OF LEGENDS

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-410-415

The article deals with the issue of distinguishing toponymic traditions into a separate genre. In modern science, the question of systematizing the genres of folklore is controversial. The most important criterion for distinguishing genres in

folklore is functional orientation. Toponymic legends refer to not ceremonial prose, which is divided into two sections: fabulous and non-fabulous prose. One type of non-fabulous prose is legend. The main function of legends is to highlight and evaluate local events. In this way, they differ from epics and historical songs, which are responsible for understanding historical events of state significance. The main purpose of legends is divided into more specific goals: coverage and assessment of historical persons and events, the history of the locus, family. In accordance with the functional orientation, three genres are distinguished: historical, toponymic and family legends. Based on the function, toponymic traditions have their own features of the structural organization of works. The toponymic motif plays a plot-forming role in the structure of toponymic legends: it is the starting point in the development of the plot, it often starts the work or it can complete the legend.

Keywords: toponymic legends, historical legends, toponymic motif, non-fabulous prose, functional orientation, classification of folklore genres.

REFERENCES

1. Anikin V.P. Russkoye narodnoye tvorchestvo [Russian folk art]. M.: Higher School, 2001. 728 p. (In Russian)
2. Anikin V.P. Teoriya folklore: kurs lekciy [Theory of folklore: a course of lectures]. M.: KDU, 2004. 432 p. (In Russian).
3. KSU archive. (In Russian).
4. Borisova L.V. Dvoedani posle bani... umivayutsya [Dvoedane after the bath ... wash] // Shadrinsky courier. 1998. March 31. P. 3. (In Russian).
5. Zueva T.V. Russkiy folklore: Slovar-spravochnik [Russian folklore: Dictionary reference]. M.: Enlightenment, 2002. 334 p. (In Russian).
6. Zyryanov A.N. Krestyanskoye dvizhenie v Shadrinskom uезде Permskoy gubernii v 1843 godu. Ocherk po dokumentam I svidetelstvam ochevidcev [Peasant movement in Shadrinsky district of Perm province in 1843. An essay on documents and eyewitness testimonies]. // Shadrinskaya starina: kraevedcheskaya hrestomatiya [Shadrinskaya antiquity: a local history textbook] (II p. XVII - lane of the XVIII century). Shadrinsk : Publishing House of the Shadrinsky Pedagogical Institute, 1996. pp. 116-192. (In Russian).
7. Collection of V.P. Biryukov, fund R – 2266, inventory no. 1, case no. 126. (In Russian).
8. Krinichnaya N.A. Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: Voprosi genezisa I strukturi [Russian folk historical prose: Questions of genesis and structure]. L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1987. 325 p. (In Russian).
9. Lazarev A.I. Predaniya rabochih Urala kak hudozestvennoye yavleniye [Legends of the workers of the Urals as an artistic phenomenon]. Chelyabinsk: South Ural Book Publishing House, 1970. 202 p. (In Russian).
10. Malozemova G. M. The modern existence of non-narrative prose in the Yurgamyshsky district: thesis. Kurgan, 2003. 75 p. (In Russian).
11. Putilov B.N. Folklor i narodnaya kultura [Folklore and folk culture]. In memoriam. St. Petersburg: Petersburg. Oriental Studies, 2003. 457 p. (In Russian)
12. Severniye predaniya: Belomor-Obonezh. region [Northern legends: Belomor-Obonezh. Region]. L.: Nauka, Leningrad Publishing House, 1978. 254 p. (In Russian)
13. Silantyev I. V. Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i filkloristike: ocherk istoriografii [The theory of motive in Russian literary studies and folklore studies: an essay of historiography]. Novosibirsk : IDMI Publishing House, 1999. 104 p. (In Russian)
14. Sokil V.V. Toponimicheskiye legend I predaniya ukraincev Karpat [Toponymic legends and legends of Ukrainians of the Carpathians]: abstract. dis. ... Candidate of Philology. sciences. Minsk, 1990. 20 p. (In Russian)
15. Sokolova V.K. Russkiye istoricheskiye predaniya [Russian historical legends]. M.: Nauka, 1970. 288 p. (In Russian)
16. Sokolova V.K. Tipi vostochnoslavjanskikh toponimicheskikh predaniy [Types of East Slavic toponymic legends]. // Slavyanskiy folklore: sbornik statey [Slavic folklore: collection of articles]. M., 1972. Pp. 202-233. (In Russian)
17. Eliasov L.E. Russkiy filklor Vostochnoy Sibiri. II. Narodniye predaniya [Russian folklore of Eastern Siberia. II. Folk legends]. Ulan-Ude, 1960. 480 p. (In Russian)

Received 12.04.2022

Postovalova O.D., Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of Russian Language and Literature
Kurgan State University
Sovetskaya st., 63/4, Kurgan, Russia, 640020
E-mail: ogribanova@yandex.ru